

ЗОДЧІЙ.

ЖУРНАЛЪ АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКІЙ
ОРГАНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО СПЪ. ОБЩЕСТВА АРХИТЕКТОРОВЪ.

Старина на Руси.

(Окончаніе).

IV.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, описывая великій путь изъ варягъ въ греки, мнѣ приходилось, между прочимъ, высказать надежду: «когда-то кто-нибудь поѣдетъ по Руси съ цѣлью охраненія нашихъ историческихъ пейзажей во имя красоты и національнаго чувства!»

Съ тѣхъ поръ я видѣлъ много древнихъ городищъ и урочищъ, и еще сильнѣе хочется сказать что-либо въ ихъ защиту.

Какія это славныя мѣста!

Почему древніе люди любили жить въ такомъ привольѣ? Не только въ стратегическихъ и другихъ соображеніяхъ тутъ дѣло, а широко жилъ и широко чувствовалъ древній. Если хотѣлъ онъ раскинуться свободно, то забирался на самый верхъ мѣстности, чтобы въ ушахъ гудѣлъ вольный вѣтеръ, чтобы не зналъ глазъ предѣла въ синѣющихъ, заманчивыхъ даляхъ. И гордо, «какъ сыръ» свѣтились на всѣ стороны бѣлыя вѣжи. Если же приходилось древнему скрываться отъ посторонняго глаза, то не зналъ онъ границы трущобности мѣста; запирался онъ бездонными болотами, такими лоньяками и буераками, что у насъ и духу не хватить подумать о сѣсть въ такомъ углу.

Не зналъ предѣла въ своихъ движеніяхъ древній чело-вѣкъ и дурное выходило у него, правда, отвратительнымъ, но въ хорошихъ проявленіяхъ онъ оставлялъ за собою памятники, достойные удивленія всѣхъ вѣковъ, передъ чѣмъ блекнутъ самые большіе размахи нашего времени, несмотря на всѣ, готовыя къ услугамъ, арматуры. Подлѣ существующихъ городовъ часто указываютъ древ-

нее городище и всегда оно кажется гораздо красивѣе расположеннымъ, нежели позднѣйшій городъ. Зналъ легендарный Труворъ, гдѣ сѣсть подѣ Изборскомъ—у Словенскаго Ручья, и гораздо хуже рѣшили задачу псковичи, перенесшіе городокъ на гору Жераву. Городище подѣ Новгородомъ по мѣсту гораздо красивѣе положенія самаго города. Рубленый городъ Ярославля, мѣста Гродненскаго, Виленскаго, Венденскаго и другихъ старыхъ замковъ—лучшія мѣста по всей окрестности.

Какова же судьба городищъ? Цѣльныя, высокія мѣста мѣшajúть намъ не меньше памятниковъ. Если ихъ не приходится обезобразить сараями, казармами и кладовыми, то непременно нужно хотя бы вывезти, какъ песокъ. Еще недавно видѣлъ я красивѣйшій Городецъ на Сарѣ *) подѣ Ростовомъ, весь искалѣченный вывозкою песка и камня. Въмѣсто чуднаго мѣста, куда бывало сѣзжался весь Ростовъ, — ужасъ и разоренье, надѣ которымъ искренно заплакалъ бы Джонъ Рескинъ.

Если красота, если инстинктъ не трогаютъ жестоко-сердныхъ, то хоть къ собственной выгодѣ не губили бы старины. Пользуйтесь доходомъ съ нея; берите за нее плату. Пусть хоть продается зрѣлище красоты, но пусть оно всетаки существуетъ. И въ этомъ сознаніи красоты, мы почувствуемъ, что и въ нашей сѣ-

ренькой жизни мы окружены не одними только гнетущими буднями, а много около насъ крупнаго прекрас-

*) Городецъ на Сарѣ, быть можетъ, представляетъ нечто иное, какъ первоначальное мѣсто Ростова. Раскопка, которую удалось произвести на остаткахъ городища, дала нѣсколько характерныхъ предметовъ X, XI вв., типа Гнѣздовскагоклада.

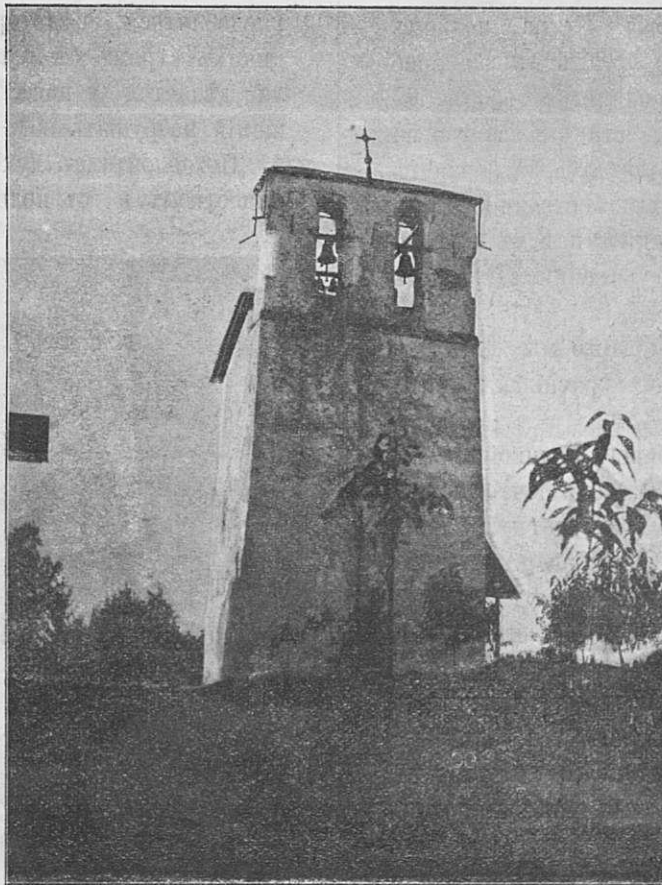

Рис. 9. Старая звонница въ селѣ Сыдно подѣ Изборскомъ.

Рис. 10. Печеры. Ризница и входъ въ пещеры.

наго, которому мы не сумѣли еще отвести надлежащее мѣсто.

Въ древнемъ рижскомъ соборѣ св. Петра, полномъ гробницами и гербами, послушайте органъ въ вечернее время и покажется вамъ, какъ наполняется соборъ тяжелыми шагами рыцарей, за ними стануть искусные цехи, купцы и граждане. Заблеститъ металлъ, засверкаетъ парча и нагрудныя цѣпи. Старое художественное цѣлое отброситъ васъ далеко отъ современности и съ высоты, на минуту, взгляните потомъ на муравейникъ нашихъ хлопотъ.

Но намъ ли искать красивое? до того мы лѣнны и нелюбопытны, что даже близкій намъ, красивый, Псковъ и то мало знаемъ.

Никого не тянетъ посидѣть на берегу Великой передъ лицомъ сѣдого Дѣтинца; многимъ ли говоритъ что-нибудь названіе Морожскаго монастыря, куда слѣдуетъ съѣздить, хотя бы для однихъ изображеній Спаса и Архангела въ предѣлахъ. Старинныя ворота, рынокъ подъ Дѣтинцемъ, паруса и цвѣтныя мачты торговыхъ людей, какъ все это красиво, какъ все близко отъ столицы. Какъ хороши старинныя домики со стильными крылечками и оконцами, зачастую теперь служащіе самымъ прозаическимъ назначеніямъ, въ родѣ склада мебели и кладовыхъ. И какъ мало извѣстно большинству, кислому будто бы отъ недостатка новыхъ впечатлѣній. Если и Псковъ мало знаемъ, то какъ же немногіе изъ насъ бывали въ чудеснѣйшемъ мѣстѣ подлѣ Пскова—Печерахъ? Прямо удивительно, по вѣковому покою, по интереснымъ строеніямъ мало что сравняется во всей Средней Руси. Стѣны, обитыя литовцами, сбѣгаютъ въ глубокіе овраги и бодро шагаютъ по кручамъ, Церкви XVII вѣка, деревянные переходы на стѣнѣ, звонницы,—все это, тѣсно сжатое, даетъ необыкновенно цѣльное впечатлѣніе.

Можно долго прожить на этомъ мѣстѣ и все будетъ хотѣться еще разъ пройти по двору, установленному странными пузатыми зданіями краснаго и бѣлаго цвѣта, еще разъ захочется пройти закоулкомъ между ризницей и старой звонницей. Вереницей пройдутъ богомольцы; изъ которой нибудь церкви будетъ слышаться пѣніе и со всѣхъ сторонъ будетъ чувствоваться вѣковая старина. Особую прелесть Печерамъ придаютъ полуѣрцы,—остатки колонизаціи древней Псковской земли. Какимъ то чудомъ въ цѣломъ рядѣ поселковъ сохранились: свои костюмы, свои обычаи, даже свой говоръ, очень близкій къ лифляндскому нарѣчію. Въ праздники женщины грудь увѣшиваютъ наборомъ старинныхъ рублей, крестовъ и браслетовъ, а середину груди покрываетъ огромная выпуклая серебряная бляха—фибула (рис. 12).

Издали толпа—вся бѣлая: и мужики и бабы въ бѣлыхъ кафтанахъ; рукава и полы оторочены незатѣйливымъ рисункомъ черной тесьмы. Странно подумать, что такъ близко отъ насъ, презирающихъ всякую самобытность, еще уцѣлѣла какая-нибудь характеристика и нѣсколько сотъ полутемныхъ людей дорожатъ своими особенностями отъ прочихъ. Часто говорится о старинѣ и въ особенности о старинѣ народной, какъ о пережиткѣ, естественно умирающемъ отъ ядовитыхъ сторонъ неправильно понятой культуры. Но не на смерть еще перѣехала старину желѣзная дорога, не такъ еще далеко ушли мы, и не намъ судить: долго ли еще можетъ жить старина, пѣсни, костюмы и пляски? Не объ этомъ намъ думать, а прежде всего надо создать здоровую почву для жизни старины, чтобы въ шагахъ цивилизаціи не уподобляться нѣкоторымъ недавнимъ просвѣтителямъ дикихъ странъ съ ихъ тысячелѣтнею культурой. А много ли дѣлается у насъ въ пользу старины, кромѣ запрещеній разрушать ее?

Поговорите съ духовенствомъ; поговорите съ чиновничествомъ и съ полицією и вы увидите, какіе люди

Рис. 11. Печеры. Старая звонница испорченная пристройкой.

Рис. 12. Полувѣрки подѣ Песовомѣ.

стоятъ къ старинѣ ближайшими. Вѣдь стыдѣ сказать: мѣстная администрація, мѣстные власти часто понятія не имѣютъ объ окружающей ихъ старинѣ. Не съ гордостью укажутъ они вамъ на памятники, близъ которыхъ ихъ бросила судьба и которыми они могутъ наслаждаться;—нѣтъ они, подобно захудалому мужиченкѣ, будутъ стараться скорѣе отдѣлаться отъ скучныхъ разпросовъ о вещахъ, ихъ пониманію недоступныхъ; и карты и сплетни куда важнѣе для нихъ всей старины вмѣстѣ взятой.

Откуда же тутъ возьмется здоровая почва? Откуда сюда придетъ самосознаніе? и мы готовы говорить хоть по африкански, лишь бы не подумалъ кто, что свое намъ дороже чужого. Старшее поколѣніе, не имѣя въ рукахъ русской археологій, которая занимаетъ свое мѣсто лишь за послѣднюю четверть вѣка, мало знаетъ старину; молодежь почему то считаетъ старину принадлежностью стариковъ. И какъ выйти изъ этого заколдованнаго круга? Какимъ путемъ удастся намъ полюбить старину и понять красоту ея—просто невѣдомо.

Рис. 13. Евфросиніевскій монастырь въ Суздальѣ.

Предвижу, что археологи скажутъ мнѣ: дайте денегъ, укажите средства, ибо монументальныя сооруженія требуютъ и крупныхъ затратъ. Но не въ деньгахъ дѣло; денегъ на Руси много; исторія реставраціи Ростовскаго кремля и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ ясно свидѣтельствуется, что если является интересъ—находятся и средства, да и не малыя. Деньги-то есть, но интереса мало, мало любви. И покуда археологія будетъ сухо-научною, до тѣхъ поръ, безъ пророчества можно предсказать отчужденность ея отъ общества, отъ народа.

Картина можетъ быть сдѣлана по вѣсѣмъ правиламъ и перспективѣ, и анатоміи, и ботаники, и всетаки она можетъ вовсе не быть художественнымъ произведеніемъ. Дѣло памятниковъ старины можетъ вестись очень научно, можетъ быть переполнено спеціальнѣйшими тер-

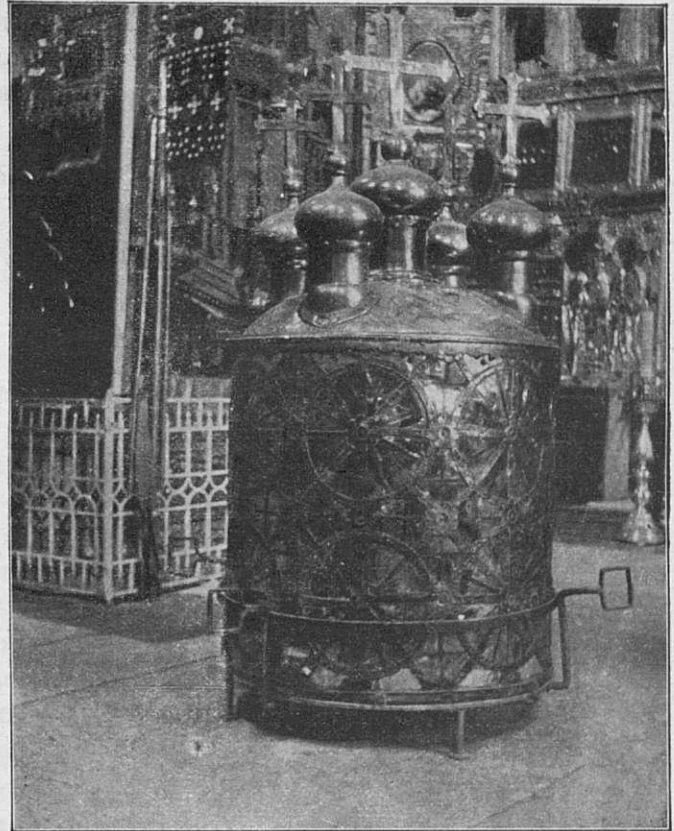

Рис. 14. Большой фонарь Суздальскаго собора на 200 свѣчей. Высота 1 саж. 6 верш.

минами со ссылками на тысячетомную литературу и всетаки въ немъ можетъ не быть духа живаго и всетаки оно будетъ мертво. Какъ въ картинѣ весь ея смыслъ существованія часто заключается въ какомъ то необъяснимомъ словомъ тонѣ, въ какихъ-то неподдающихся формулѣ черточкахъ, такъ и въ художественномъ пониманіи дѣла старины есть много не укладывающагося въ рѣчи, есть многое, что можно только воспринять чутьемъ. И безъ этого чутья, безъ чувства красотъ историческаго пейзажа, безъ пониманія декоративности и конструктивности всѣ эти разговоры будутъ нелѣпой тарбарщиной. Не о легкомъ чемъ-то говорится здѣсь. Словъ нѣтъ, трудно не утратить чувства при холодныхъ основахъ знаній; много ли у насъ профессоровъ-наставниковъ, въ которыхъ горитъ огонь живого слова?... Часто, разъ только рѣчь касается чувства, получается полная разногосица, но наученнымъ опытомъ, нельзя бояться ея,—всегда изъ массы найдутся немногіе, которымъ чувство укажетъ правду и на этой правдѣ за-

копошится общій интересъ, а за нимъ найдутся и средства и все необходимое.

Безспорно, за эту четверть вѣка много уже сдѣлано для дѣла старины, но оправданія для насъ въ этомъ нѣтъ и еще гораздо больше остается впереди работы самой тонкой, самой трудной. И не такое дѣло старина, чтобы сдать ее въ археологическія и архивныя комиссіи и справлять триумфъ ея пышными обѣдами археологическихъ съѣздовъ, да на этомъ и почитать. Все больше и больше около старины накапливается задачъ, рѣшить которыя могутъ не одни ученые, но только въ единеніи съ художниками, зодчими и писателями.

Въ жизни нашей многое сбилось, спутались многія основы. Наше искусство наполнилось самыми извращенными понятіями и старина, правильно понятая, можетъ быть доброю почвой не только научной и художественной, но и оплотомъ жизни въ ея ближайшихъ шагахъ.

Я могу ожидать вопроса: «вы дали неутѣшительную картину дѣла старины русской, но что же вы укажете, какъ ближайшій шагъ къ нравственному исправленію этого сложнаго дѣла?»

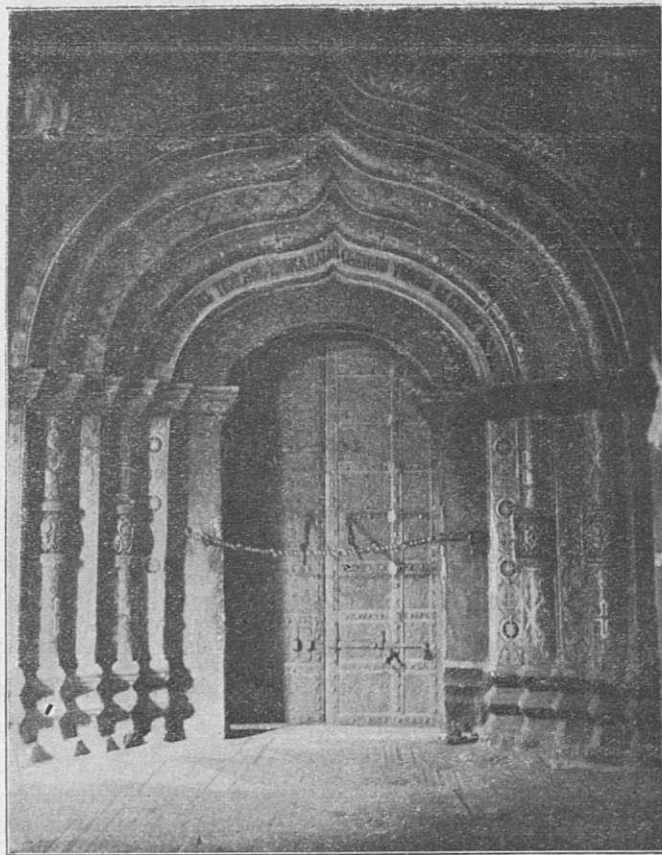

Рис. 15. Двери въ церкви Воскресенія на Дебряхъ въ Костромѣ.

Что же мнѣ оставалось бы отвѣтить на такой прямой вопросъ? Отвѣтъ былъ бы очень старый—пора русскому образованному человѣку узнать и полюбить Русь. Пора свѣтскимъ людямъ, скучающимъ безъ новыхъ впечатлѣній, заинтересоваться высокимъ и значительнымъ, которому они не сумѣли еще отвести должное мѣсто, что замѣнить сѣрые будни, веселою красивою жизнью. Пора всѣмъ сочувствующимъ дѣлу старины кричать о ней при всѣхъ случаяхъ, во всей печати указывать на положеніе ея. Пора печатно неумолимо казнить невѣжественность администраціи и духовенства, стоящихъ къ старинѣ ближайшими. Пора зло высмѣивать сухарей-археологовъ и безчувственныхъ педантовъ. Пора вербовать новыя молодыя силы въ дружину ревнителей

старины,—пока, наконецъ, этотъ, порывъ не перейдетъ въ единодушное, національное движеніе, которымъ такъ сильна всегда наша могучая Русь.

Н. Перихъ.

„О современной архитектурѣ“

проф. v. Schubert-Soldern.

Около года тому назадъ общество архитекторовъ и художниковъ въ Берлинѣ объявило конкурсъ на составленіе аналитическаго изслѣдованія о сущности новаго стиля, на который и было представлено 56 монографій, причемъ автору труда, увѣнчанаго первой преміей, было предложено прочесть свой рефератъ публично. Разсмотрѣніе представленныхъ трудовъ было поручено особой комиссіи, которая выдѣлила на первый планъ сообщеніе проф. von Schubert-Soldern; приводимъ здѣсь выдержки изъ этой работы.

Въ наши дни чаще, чѣмъ когда либо, приходится слышать слово «стиль»—весьма вѣроятно вслѣдствіе появленія, такъ называемаго, новаго стиля, какъ-бы раздѣлившаго все интеллигентное общество на два противоположныхъ лагеря, причемъ, съ одной стороны, усматривается желаніе превознести значеніе новаго теченія въ искусствѣ; а съ другой—указывается на его несерьезность, вслѣдствіе чего ему не придется сыграть сколько нибудь значительной роли.

Не вдаваясь въ детальное разсмотрѣніе того или другого взгляда, отмѣтимъ, во первыхъ, что настоящія условія побудили большую публику особенно интересоваться жизнью искусства, что, само по себѣ, имѣетъ несомнѣнное положительное значеніе. Большинство стало предъявлять къ предметамъ обстановки требованіе, чтобы она была въ «стиль»: и уже это одно обстоятельство указываетъ на присутствіе извѣстной жизненности въ новомъ теченіи.

Откуда же взялся и какое имѣетъ моральное обоснованіе «новый стиль»?

Чтобы это понять, необходимо обратиться къ предъидущей культурной жизни и въ ней искать ключъ къ этому появленію. Во всѣ времена искусство было поставлено въ такія условія, что оно охватывало жизнь въ самыхъ широкихъ рамкахъ и распространялось на всѣ мелочи домашняго обихода. Красота всѣхъ существовавшихъ до сего времени стилей заключалась въ томъ, что она не ограничивалась фасадами зданій, но распространялась и на внутреннее убранство и предметы обихода. Не только стулъ богатаго владѣльца, но и платье его самого и его семьи, а также перстень на его рукѣ—все было художественно закончено, и въ одномъ и томъ же стилѣ. Все это вмѣстѣ давало цѣльную художественную картину, изъ которой нельзя было выкинуть отдѣльныя части, какъ изъ пѣсни нельзя выкинуть слово.

Что-же, мы видимъ, случилось съ искусствомъ и, въ частности, съ архитектурой за протекшее столѣтіе? Въ началѣ XVIII вѣка, когда анализъ и ученые изслѣдованія открыли цѣлую серію произведеній